

студенты-историки опубликовали около 40 научных работ, причем большинство из них вышли не в специальных студенческих изданиях, а в обычных сборниках исследовательских, краеведческих и научно-методических работ и материалах научных конференций.

Приведенные данные, на наш взгляд, могут рассматриваться как один из показателей внешней, независимой, объективной экспертизы качества профессионального исторического образования.

Земцов В.Н.
(Екатеринбург)

Куда исчез Наполеон из учебников по историографии?

В мае 2005 г. премьер-министром Франции стал Доминик де Вильпен. Произошло это после известного провала референдума по Конституции Евросоюза. Новый премьер-министр должен был усилить «национальные» аспекты деятельности французского правительства. Прошло несколько месяцев – и в ноябре – декабре 2005 г. во французских городах начались массовые беспорядки, вызванные действиями молодежи арабского и негритянского происхождения. Вместе с этими событиями рухнули все надежды на «вписывание» Франции в рамки процветающей гуманистической Европы и надежды на трансформацию деголлевской республики в идеальное демократическое государство, к чему столь настойчиво стремился в последние годы президент Ж. Ширак. Деголлевская республика, похожестью которой на наполеоновскую систему поражались многие политики, политологи и историки, вновь оказалась той системой, отказаться от которой французам удастся еще не скоро. Для самого же Ш. де Голля Наполеон был «сверхчеловеческим гением», «объединителем нации», человеком, вложившим «равный гений в военное искусство и в правительство». Порождением деголлевской системы является и нынешний премьер-министр де Вильпен, поклонник Наполеона, автор незаурядной книги «Сто дней, или дух самопожертвования» (Париж, 2001).

Не только политическая, но и духовная связь между эпохой Наполеона и Францией XXI в. несомненна. Несомненно и то, что Европа Наполеона и современная европейская идея также связаны между собой. Вопреки тому, что утверждает А.В. Ревякин в 5-м томе «Истории Европы», как и некоторые иные отечественные авторы, противопоставляя нынешний проект «демократической Европы» «империалистическому проекту» Наполеона, между этими «Европами» начала XIX и начала XXI в. есть много общего. Общего хотя бы в том, что реализация их, в сущности, обнаруживает сходный набор трудностей, а сама проблема отнюдь не сводится к тезису: «либо единая Ев-

ропа, либо самостоятельная сильная Франция». Механика взаимодействия оказывается здесь значительно сложнее.

Наполеон и его эпоха имеют прямое отношение и к проблемам России. «Наполеон – это эманация русского духа», – так выразил причину всегдашнего трепетного отношения русского человека к личности Наполеона Д. Мережковский. Не трудно заметить, что непреходящая магия 1812 года для нашей национальной памяти имеет принципиальное значение и сейчас: именно в 1812 г. Россия обрела чувство силы, чувство органичной сопричастности с делами Европы, но вместе с тем и сознание своей «инаковости» по отношению к Западу.

Наполеоновская эпоха стала предвестницей падения колониальных империй, роста могущества Соединенных штатов Америки, формирования под их эгидой экономического и политического единства Западного полушария. Эпоха оставила неизгладимый след в искусстве (ампир, романтизм), в формировании современной общественно-политической мысли (оформились либерализм и консерватизм), в литературе, в кинематографе, поэзии... В периодизации исторического прошлого наука во Франции традиционно по Французской революции XVIII в. и наполеоновским войнам проводит водораздел между новой и современной историей. Сегодня и отечественная наука пришла к выводу о завершении на рубеже XVIII – XIX вв. первой фазы и начале 2-й фазы истории нового Запада.

Но вот странность! В вузовском учебнике «Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки» (М., 2000), посвященному периоду XX в., за исключением беглого упоминания о Е.В. Тарле и А.З. Манфреде, есть только две строчки о третьестепенном биографе Наполеона Эмиле Людвиге, главе «школы исторической беллетристики». И всё! Можно предположить, что в XX в. эпоха начала XIX в. не изучалась вовсе. Но может быть она изучалась в XIX и в начале XX в.? Открываем учебник этой же серии (также под редакцией И.П. Дементьева) «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки» (М., 1990). В нем наполеоновской эпохе повезло больше – упоминаются А. Тьер, И. Тэн, А. Собуль и А. Вандаль. Но и это всё! Странно. Ведь только по военной истории этого периода к концу XX в. было издано не менее 220 тыс. книг! Общее же число работ, посвященных эпохе, не поддается даже приблизительному учету. В справочнике 100-летней давности Ф. Кирхейзена было зафиксировано 200 тыс. названий. Сколько же их сейчас?

Может быть вся причина в том, что материал этой эпохи не поддается обработке и осмыслению новыми методами исторических исследований, а значит и для развития собственно науки он не имеет большого значения? Но это не так. С 1970-х гг. такие британские авторы, как Ф. Хэйторн-туэйт, Д. Смит и другие стали активно использовать количественные методы. В 1990-е гг. П. Бриттен Остин по-новому подошел к мемуарному насле-

дию, создав нечто подобное «устной истории» применительно к началу XIX в. У французов же еще в конце XIX в. Ж. Сис создал серьезнейший труд, заложив основы просопографического направления. Сегодня его дело продолжают супруги Кюинтэны. Новые методы исследования прошлого активно применял А.Г. Тартаковский (его книга о мемуаристике 1812 г. вышла еще в 1980 г.), О.В. Соколов в своей монографии «Армия Наполеона» (СПб., 2000) блестяще соединил квантитативные методы с традиционными. Наконец, популярная ныне микроистория... В изучении наполеоновской эпохи она появилась еще до К. Гинзбурга! Больше того, сам Гинзбург начал поиск новых методов под впечатлением от соприкосновения с эпосом Л.Н. Толстого «Война и мир», в которой он увидел человека в потоке времени и водвороте человеческих судеб.

Чем же тогда объяснить отсутствие внимания историографии (в особенности отечественной) к тематике наполеоновских войн? Мы объясняем это общей слабостью и ограниченностью как данного раздела исторической науки в нашей стране, так и всей исторической науки в целом. В сущности, исследователь как правило выбирает: либо заниматься теорией исторической науки (куда нередко относят и историографию), либо конкретно-историческими исследованиями. Тогда как абсолютизация и того, и другого просто ущербна. Речь сегодня должна идти об органическом соединении методологии, историографии и конкретных исторических исследований. Тогда и вузовские учебники по историографии будут отражать не отвлеченные представления их авторов об абстрактном процессе «развития» науки, но фиксировать реально существующие ее проблемы и достижения.

Лис Н.А.
(Нижний Тагил)

К вопросу реализации эмоционально-ценностного аспекта содержания профессионального образования

В условиях обновления содержания высшего профессионального образования всё более актуальным становится реализация его эмоционально-ценностного аспекта, поиск человекоформирующих возможностей учебного процесса в вузе. Развитие творческой индивидуальности специалиста является одним из основных направлений развития высшего образования. Главным компонентом образовательного процесса в вузе, его объектом и субъектом является будущий учитель, представляющий собой индивидуальность, развиваемую и преобразуемую в соответствии с педагогическими целями (объект). Это - развивающаяся личность, наделённая естественными